

Елена Бондаренко

К дифференциации подъязыков с позиций наивной социолингвистики (на материале русских говоров)¹

Одна из специфичных черт народной рефлексии над языком — исключительная «прагматичность» метаязыкового сознания наивных лингвистов, детерминированность обыденных метаязыковых представлений реальным практическим опытом коммуникации. Пожалуй, наиболее значимым лингвистическим ориентиром для наивных носителей языка становится осознание связи языка и устройства общества. Обыденным сознанием практически не отмечаются собственно структурные особенности языка, устройство его системы, взаимодействие языка и мышления и т.д., а языковые средства оцениваются с позиции выполняемых данными средствами функций. Таким образом, наиболее широким и активно разрабатываемым разделом наивной лингвистики (комплекса непрофессиональных знаний о языке) является «естественная», «наивная» социолингвистика — область наивного знания, в которой отражаются представления рядовых говорящих о многообразии социокультурных вариантов языка и их соотношении [Шумарина 2010: 394].

Елена Дмитриевна Бондаренко
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург
jelena.kazakowa@gmail.com

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

В настоящей статье проблемы наивной социолингвистики рассматриваются через призму языкового сознания носителей русских диалектов. Круг социолингвистических проблем, попадающих в зону интереса диалектоносителей, достаточно широк: рефлексия наивных лингвистов касается взаимодействия и противопоставления различных идиомов (оппозиции индивидуальное / общеупотребительное, диалектное / литературное, диалектное / инодиалектное, русское / иноязычное), речь идет также об особенностях стилистической маркировки в народном сознании отдельных единиц языка. В данной статье проанализированы лишь некоторые частные вопросы, касающиеся наивной дифференциации подъязыков (форм существования языка, языковых идиомов), которые в научной терминологии обозначаются терминами «диалект», «литературный (общенародный) язык», «социолект». Такая дифференциация осуществляется на основе ряда критериев, являющихся частными случаями одной из базовых оппозиций народной культуры «свой — чужой»:

- **нормированность / ненормированность**, ср., например: пск. *говорить по грамматике, по-грамотному* ‘на литературном языке’: «Проста чулан, а *на граматике* — кладофка» [ПОС VII: 176]; пск. «Жыть по-деревенски, а ячень по-грамотному» [ПОС VII: 183]; и пск. *ковёркать* ‘неправильно говорить’: «Еть вы, гърацкии, а мы гарас ни каверкаем язык» [ПОС XIV: 277]; перм. *говорить на ан тараты* ‘то же’: «Лосем-то мы зовем по-деревенски; за сохатым, скажешь, пошел, дак не поймут — у нас ведь все *на ан тараты*» [ФСПГ: 14];
- **письменная / устная форма бытования**, ср.: новг. *по-письменному* ‘в литературном языке’: «Туды вон ночная сторона, северная *по-письменному-то*» [НОС VI: 72]; перм. *по Писанию* ‘то же’: «Мы говорим праздник Кузьма, а *по Писанию* это были Козьма и Демьян» [СРГКП: 132]; пск. *по-книжному* ‘то же’: «Остраф Варанья, а *па-книжнаму* Каломцы» [ПОС XIV: 258];
- **территория употребления**, ср.: влг. «Мы говорим и прислушиваемся, в Москве через “а” стараемся говорить. А почему я должен коверкать свой язык?..» [ЭКТЭ];
- **социальная дифференциация**, ср.: пск. *по-городски* ‘на литературном языке’: «А он фсё знает, знает и *па-диривенски* и *па-гарацки*» [ПОС VII: 127]; пск. *по-господскому* ‘то же’: «Валки воют — *па-гаспоцкаму* и *выють* — *по-нашаму, по-дирявенскаму*» [ПОС V: 9]; и пск. *по-деревенски* ‘на местном диалекте’: «Фсе *замахывацца по-деревенски*: как баба говорит с дедом, так и он говори, не по правилам» [ПОС XI: 319]; новг. *по-холопски* ‘то же’: «У их “питун”, “сахарь”, а у нас не так, у их *по-холопски*. Холопы и поселяне» [НОС VIII: 138].

Таким образом, релевантными для диалектоносителей могут становиться как некие общие основания дифференциации идиомов (нормированность, письменность), так и ситуативные, фиксирующие частные характеристики речи представителей различных социальных групп. Показательно, что при противопоставлении диалекта общенародному языку негативную оценку получает «свой» диалект, а позитивную — «чужой» общенародный язык (это говорит о появлении новой грани в осмыслении категории «чужого», которое в традиционной культуре обычно трактуется как опасное, неправильное и плохое, см.: [СД IV: 581]).

Далее мы подробнее охарактеризуем представления наивных лингвистов о разграничении различных форм существования языка в связи с такими дифференцирующими критериями, как место проживания, вероисповедание и социальный (сословный) статус говорящих. Изучаемые параметры выбраны из числа других (род деятельности, возраст, пол и т.п.) как наиболее значимые для диалектоносителей. Материалом для анализа послужат свободные метаязыковые высказывания наивных лингвистов, зафиксированные в диалектных словарях различных территорий (КубГ, НОС, ПОС, СГСЗ, СРГБ, СРГМорд и др.), а также записанные участниками Топонимической экспедиции УрФУ (УрГУ) в ходе полевых работ 2007–2011 гг. в Архангельской, Вологодской и Костромской областях.

Место проживания

Специфика речевых характеристик нередко связывается в метаязыковых текстах с местом проживания говорящего — городом или деревней, ср.: пск. «Каракаю *по-деревенски*, вовсе не *по-гарацкому*» [ПОС XIII: 485]; пск. «Зимой из яблук компот варили, или, *по-деревенски сказать*, суп яблочный [ПОС XV: 145]; пск. «Мошка, оват, а другая вызгьвка, или бызгьвка *на-деревенски* [ПОС IV: 13]; пск. «А он всё знает, знает и *по-деревенски* и *по-гарацки*» [ПОС VII: 127].

Рефлексия над различными формами существования языка может осуществляться как своеобразный «перевод» с местного наречия на «городское», ср.: пск. «Журавина у нас, а павашыму, *на-гарацкому*, клюква» [ПОС VII: 127], — или, напротив, «перевод» с городского, официального, языка на местный, ср.: влг. «*По радиву* говорят, что ветер северо-западный, а мы уж знаем, что ковжарь будет» [КСГРС]. Такое умение «переключать» подязыки, «переводить» с одного идиома на другой проявляется и проговаривается, очевидно, чаще всего при контакте диалектоносителей с «городскими» и весьма полезно для

установления контакта, для «притирки» к речевым особенностям друг друга (см. об этом в: [Рут 2001]).

Важными для «наивных лингвистов» также оказываются проблемы взаимодействия носителей «городского» и «деревенского» наречий. Городские часто высмеивают своих деревенских родственников или знакомых, ср.: забайк. «Приехала я у горат. Села аутобус. Народа пално. А адин парянь пряма-таки сел мене на плячо. “Ты чаво устарёхался?” — гаварю. А малады услышали, рявуть, хохочуть. “Как, как Вы сказали?” — спрашивают» [СГСЗ: 87]; забайк. «Вёлка-та, ана высокая, мяганькая, у ей хвая растелючая, а можа, иё и па-другому завуть. Внучка миня фсё паправляет, “сасна” гаварить» [СГСЗ: 72]; забайк. «Миня в армии фсё дражили, што я так разговариваю, *па-симейски*» [СГСЗ: 126]; перм. «Полико углашэк-от осмеял мою старую голову: ты, бабушка, говоришь “исподки”, а надо говорить “варежки”» [ФСПГ: 251]. Впрочем, и сами носители «деревенского» говора также могут оценивать его негативно, ср.: пск. «Как поглядеть, так перевернет; некалитурно я вам говорю, така *болотная, деревенская* говорка у мене» [ПОС VII: 36].

Несовпадение лексических кодов участников коммуникации становится причиной коммуникативных сбоев, ср.: морд. (рус.) «Говорю: “Взвесь мне кило бершов”. А продавщица говорит: “Нет такого”. Тут я догадалась, что окуня-то па-нашему назвала» [СРГМорд I: 37]. Ситуации подобного рода нередко обыгрываются в фольклорных сюжетах так называемых «лексических недоразумений», см.: [Березович, Казакова 2011].

Диалектоносители дают «рецепты» правильной «городской» речи, ср.: забайк. «Хто гаварить “талчанка”, а хто — “пирé”, а эта адно и то жа. Хто хочить балякать па-гарацкому, вот и уавóрить “пире”» [СГСЗ: 31]. Однако часто стремление деревенских жителей говорить «по-городскому» высмеивается или даже осуждается, ср.: перм. «Девка-то пожила в городе, вишь какая воображуля стала, *чуввы да вычуввы*, и говорить-то по-деревенски забыла» [ФСПГ: 419]; кубан. «Прыйихала штокалка з городу, ходэ тай *штокае*» [КубГ: 243]. Иронически воспринимается громкая, самоуверенная речь горожан, ср.: пск. «Люди городские запарят [переговорят] па разговору деревенских, ну где нам так шуметь, городские были богачи, а эти затемнённые» [ПОС XII: 24].

Носители диалектов могут квалифицировать речь как «городскую» не только исходя из территориальной и социальной «привязки» говорящего, но и ориентируясь на внутриязыковые параметры, например фонетические, ср.: влг. *выщёлкивать*

‘говорить быстро, «по-городскому»’: «Дочь-то у меня как в город уехала, так сразу выщёлкивать начала» [СГРС II: 280]; влг. *говорить высокородно* ‘литературно и не торопясь’: «В Шонорове высокородно говорят, в Попово сглаживают, в Лукерино у тувашей по-другому, а у нас по-простому» [СГРС II: 260]. «Городская» речь в данном случае приписывается деревенским жителям («в Шонорово говорят *высокородно*»).

Вероисповедание

Частным случаем оппозиции «нормативная / ненормативная», «правильная / неправильная речь» является оппозиция по вероисповеданию. Различия в вере представляются диалектоносителям связанными с языковыми особенностями каждой из конфессиональных групп. Религиозные представления инвертеров оцениваются как «ненормативные», а их язык — как «ломаный», неправильный, ср.: пск. «В Сетуки¹, в *полуверцы* не ходите, они как ни говорят, все на свой лад ломают» [ПОС XVII: 163]; пск. «*Полуверцы* — это сетуки, не получается как по грамматике» [ПОС VII: 176]. Сами *полуверцы* также отмечают отличия своего языка от общераспространенного, ср.: пск. «Мы, *полуверцы*, не говорим, что поют. Мы говорим, что лелёкают» [ПОС XVI: 578]. Как представляется, контексты подобного рода содержат не только рефлексии над языковыми особенностями разных категорий верующих, но и попытки разграничить конфессионально «окрашенные» идиомы и другие формы существования языка (диалекты, общенародный язык).

Особенно часто подчеркиваются особенности речи старообрядцев в сравнении с речью местного иноконфессионального населения. Старообрядцы могут определять свой говор как *русский, московский*. Такая ситуация, например, существует в Восточном Полесье: местные старообрядцы, противопоставляя себя исконным жителям Полесья, «характеризуют свой говор как московский, хотя он от этого очень далек» [Никитина 1993: 30].

Стремясь доказать «правильность» своей веры, старообрядцы пытаются прибегнуть к анализу обрядовой терминологии — своей и чужой. Представители старой веры в отличие от представителей других конфессий жестко противопоставляют термины *старообрядец* и *старовер*. К примеру, в Черниговской области старообрядцы-поморцы считают, что их правильно называть только *старообрядцами*, так как они сохраняют *старые обряды* христианской веры, при этом сама христианская

¹ *Setu, Setukene* — эстонское название эстов и латышей, живущих в Псковском уезде в пределах Псковско-Печерского края на границе Лифляндской губернии близ Паникович и Щемериц.

вера является новой по отношению к иудейской. В то же время поморцы Северного Кавказа, противопоставляя себя белокрыничским старообрядцам, считают, что поморцев следует называть *староверами*, а белокрыничские, изменив священство, по сути перешли в новую веру, хоть и оставили старые обряды, поэтому они — *старообрядцы* [Никитина 1993: 21].

Если свою терминологию старообрядцы знают досконально, то бытующая в их сознании система терминов никонианской церкви является весьма специфичной: в ней бывает нарушено соотношение плана выражения и плана содержания некоторых терминов, реальные лексемы могут быть наделены несуществующим значением, ср.: сарат. «У них [у никониан] крещенье какое? Еретическо. А у нас — христианско. <...> Если только вы приняли крещение святое, оно святое называется, то вы после этого крещения называетесь “христиане”, а оне после своо этого причастия, у них причастие оно называется, а не крещение, называются “еретиками”» [Свешникова, Медведева 2010: 41].

Деревенские жители, не входящие в старообрядческие общины, напротив, странной, «нерусской» представляют речь старообрядцев, ср.: сарат. «Мы [“церковные”] молимся: “Слава тебе, Господи!” “Тебе”, а у них [у старообрядцев-брачников] — “тэбэ”, “тэ-бэ”. Вот она вам сейчас, Марья Васильевна-то... Ты вот понимаешь вот русский-то язык, как она буквы-ти вот перевертывает! А мы вот разговариваем, русские, по-русски» [Свешникова, Медведева 2010: 41]. «Чужой», непонятной в представлении наивных носителей языка оказывается и графика, используемая старообрядцами, ср.: «Если у нас вот читать по-божественному, у нас по-русски есть. Все там по-русски, эти книжки. А у них там как немецкие эти буквы — в книжке, в книжках» [Там же].

Конфессиональные различия выделяются также в выборе и употреблении формул речевого этикета, ср.: арх. «Сидим обедаем или чай пьём, чай пьём, дак: “Приятно кушать”, а обедаем, дак: “Хлеб да соль”, а у староверов, ежели придёшь, а они сидят за столом <...> можно говорить: “Ангел затрапезной”» [БДКА].

Социальный статус

Диалектоносители отмечают существование различных вербальных кодов («господского», «казачьего», «мужичьего», «хресьянского», «простецкого», т.е. простонародного, и др.), которыми пользуются представители конкретных социальных классов и слоев населения, причем «господское» и «казачье»

в данном случае находится в оппозиции с «мужичьим», «хрестьянским», «простецким» (аналогично противопоставлению «литературное — диалектное»). Ср.: башкир. (рус.) «Мы *повошпоцки* не зовём “калитка”, а *по-простецки* — “ворота”» [СРГБ III: 32]; пск. «Валки воют — *на-гаспоцкаму* и выють — *по-нашаму, по-дирявенскаму*» [ПОС V: 9]; воронеж. «Липяги — йеть названия *мужыцкыйя*, наша, этъ лес усякый: и дуп, и аси-на, и липа» [Дьякова, Хитрова 1980: 82]. При этом «холопский» язык (т.е. язык крестьян, работавших на помещика) оказывается, по мнению диалектоносителей, ближе к официальному, «господскому», чем язык поселян (свободных крестьян), ср.: новг. «Это холопы акают, они жили под барами, а поселяне окают. Вот мы поселяне, мы под барами не жили [о деревне Пинаевы Горки]» [Там же]. Аналогичные представления о «барском» языке отдельной группы крестьян отражены в прозвище *боярчуги* (жители Березниковского сельсовета Бабушкинского района Вологодской обл.): «Они так *выворачивают* — говорят, сразу видно “боярчуги”» [Воронцова 2011: 44]. Наивные лингвисты отмечают способность к переключению социальных языковых кодов, ср.: «На всяки языки скажу: хочешь на-казачий, хочешь на-мужичий» [СРГНП I: 138]. В подобных примерах наиболее ярко реализуется «социологический» подход диалектоносителей к языку: собственно речевые особенности группы жителей ставятся в зависимость от ее социального статуса.

В качестве одной из возможных причин неправильной, смешанной речи диалектоносители указывают влияние на местный говор контактов с носителями других языков, ср.: н.-печор. *хресьянска говоря* ‘с диалектными чертами’: «Стара говоря наша, хресьянска. У кажного своя говоря. Сестра жывёт внизу, по-ихному говорит. У их циста говоря, а мы межумирок, мы между коми и русских» [СРГНП I: 138].

Особыми качествами наделяется речь священнослужителей, ср.: пск. *поповский язык* ‘о многословном, болтливом человеке’ [СРНГ XXIX: 325]. Болтливость — одно из качеств, приписываемых попу народным языковым сознанием, ср.: «Поп да петух и не евши поют», «Врут и попы, не токмо что бабы о гада-ньи» [Даль 1955 III: 309]. Псковское выражение *поповский язык* имеет и противоположное значение — «о немногословном, молчаливом человеке» [СРНГ XXIX: 325]. Возможно, такое развитие семантики обусловлено тем, что церковная речь — это вид непонятной, «чужой» речи, с которым диалектоносители встречаются чаще всего. Использование в речи священнослужителей церковнославянского языка могло стать причиной того, что «поповская» речь в наивном сознании представляется непонятной, невнятной. Синонимия же невнятной речи

и немоты — весьма частое явление в диалектной среде, ср.: влг. *нептун* ‘человек, который непонятно говорит, с дефектами речи’: «Говорит когда, непонятно что, дак нептун говорят, или дефект какой, или быстро, скороговоркой говорит» [КСГРС]; влг. *немтыш* ‘немой’; ‘неразговорчивый человек, молчун’; ‘человек с невнятной речью’: «Немтыш — это кто немой или плохо, невнятно говорит» [КСГРС].

По мнению наивных лингвистов, на ход коммуникации может влиять социальное положение не только адресанта, но и адресата: в зависимости от статуса слушающего говорящим выбираются различные формы речевого этикета, ср. перм.: «Ты чихнешь, тебе и говорят: “Салфет вашей милости!” А ты отвечаешь: “Красота вашей честности!” Богатым говорят, а не нашему брату простонародью, как чихнет: “Салфет вашей милости!”» [ФСПГ: 319].

* * *

Итак, наивное лингвистическое сознание, осмысляя особенности различных форм существования языка, отмечает влияние на них «социальных» параметров, наиболее значимыми из которых оказываются место проживания, вероисповедание и социальный статус носителей той или иной формы языка. При этом все замеченные наивными лингвистами специфические черты конкретной языковой общности оцениваются с позиции их соответствия эталону, образцу, который установлен в данном социуме: в старообрядческих общинах таким эталоном чаще всего является традиция — норма, принятая в коллективе, в крестьянской же среде ориентиром правильности становится литературный язык.

Список сокращений

- БДКА — Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции Российского государственного гуманитарного университета (лаборатория фольклора): база данных
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера, кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (УрФУ), Екатеринбург
- ЭКТЭ — этнографическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ, кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (УрФУ), Екатеринбург

Библиография

- Березович Е.Л., Казакова Е.Д. Ситуация «языкового испытания» в народной культуре // Славянский и балканский фольклор. Вып. 11: Виноградье. М.: Индрик, 2011. С. 27–37.

- Воронцова Ю.Б.* Словарь коллективных прозвищ: who is who по-русски. М.: АСТ-Пресс книга, 2011.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1955. Т. 1–4.
- Дьякова В.И., Хитрова В.И.* О языковом сознании современных диалектоносителей // Сравнительно-исторические исследования русского языка: Сб. ст. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 78–85.
- [КубГ] *Борисова О.Г.* Кубанские говоры: Материалы к словарю. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2005.
- Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993.
- [НОС] Новгородский областной словарь. Новгород: Изд-во НГПИ, 1992–1995. Вып. 1–12.
- [ПОС] Псковский областной словарь с историческими данными. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967–. Вып. 1–.
- Рут М.Э.* Собиратель и информант: освоение чужого // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докл. Междунар. конф. 24–26 октября 2001 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 114–116.
- Свешникова Н.В., Медведева Т.Н.* Старообрядцы Самодуровки (Саратовская область) // Живая старина. 2010. № 1. С. 40–43.
- [СГРС] Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- [СГСЗ] Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск: Изд-во СО РАН: Науч.-изд. центр ОИГГМ, 1999.
- [СД] Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. М.: Международные отношения, 1995–2012.
- [СРГБ] Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. проф. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 1997–2005. Вып. 1–5.
- [СРГКП] Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Науч. ред. И.А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006.
- [СРГМорд] Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР: Учеб. пособие по русской диалектологии / Сост. Э.С. Большакова, Н.П. Кудряшова и др. Саранск: Изд-во Мордовского гос. ун-та, 1978–. Вып. 1–.
- [СРГНП] Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003–2005. Т. 1–2.
- [СРНГ] Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- [ФСПГ] *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2002.
- Шумарина М.Р.* «Наивная» социолнгвистика // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2010. Ч. 3. С. 394–411.